
Н. С. РОЗОВ

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ ОЦЕНОК
И ПРОБЛЕМА ЕДИНОГО УЧЕБНИКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

Дискуссия о «едином учебнике» затрагивает философские вопросы соотношения научной объективности, оснований исторических оценок событий и деяний прошлого, выбора и интеграции макросоциологических парадигм в приложении к истории России и целей патриотического, гражданского воспитания подрастающих поколений. В статье представлены социально-философские предпосылки для ответов на эти вопросы, соответствующие принципы преподавания истории.

Ключевые слова: философия истории, преподавание истории, исторические оценки, смысл истории, исторические циклы, модернизация.

Споры относительно истории, интерпретации событий и процессов, оценок деяния лидеров и политических сил, необходимости или пагубности единых учебников национальной истории становятся острее и громче. Появилась даже целая сфера «исторической политики». Большинство споров относительно интерпретаций исторического прошлого не решается с помощью обращения к документам и данным, логики и научного знания. Поскольку практически все споры об истории связаны с оценками и осмыслением, единственным квалифицированным арбитром могла бы выступить философия истории. Однако в своем большинстве современные философы истории остаются в своих «башнях из слоновой кости», изолированных не только от широкого публичного дискурса, но и друг от друга.

Преподавание истории в школе: правдивый рассказ или воспитание?

Учебник отечественной истории – тема, всегда нагруженная идеологией и политикой, особо конфликтная и болезненная в рас-

колотых обществах с низким уровнем общенациональной солидарности. Таковым является современное российское общество, и неслучайно тема преподавания истории в школе, официальные призывы создания «правильного единого» учебника¹, проблемы ценностных и мировоззренческих критериев вызывают бурные, даже ожесточенные споры.

Один слой в этих спорах лежит на поверхности: издавна враждующие идеологические лагеря, прежде всего державники (теперь вкуче с «православными коммунистами»), либералы, русские националисты и левые, занимаются «перетягиванием каната», пользуясь всеми доступными ресурсами: идейными, административными, медийными.

Второй слой составляет действительно большая и трудная содержательная проблема, имеющая две стороны – ценностную и когнитивную: *можно ли и каким образом, не отступая от исторической правды, совместить под одной обложкой, с одной стороны, реальную историю России, полную жестокости, насилия, несправедливости, миллионов разбитых человеческих судеб, с другой стороны, вполне нормальную и оправданную цель – воспитать не ненавистника собственной страны и истории, а полноценного гражданина, любящего свою родину, почитающего ее прошлое, стремящегося не эмигрировать из России, а делать полезный вклад в ее свободное развитие и процветание.*

К этой ценностной стороне добавляется еще когнитивная: *допустимо ли в учебнике лишь перечислять сухие факты без какого-либо осмысления, толкования, интерпретации? Если же давать интерпретации, то как совладать с имеющимся разнородным относительно толкований разных периодов, процессов и явлений российской истории, причем не только идеологического, но и теоретического плана?*

Так или иначе, историки, политики, журналисты, идеологи в своих спорах касаются обеих этих тем, обычно апеллируя к при-

¹ Никогда не считал себя провидцем, но еще в 1994 г. мною были написаны, а в 1998 г. опубликованы такие слова: «Есть реальная опасность того, что бывшие кафедры общественных наук потребуют восстановления простой и ясной вертикали “идеологического воспитания”, при которой вновь будет востребована единая для всех школ и вузов идеология, но уже не коммунистического, а православно-государственного толка» (Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1998. – С. 194).

вычным штампам, напыщенным и смехотворным фразочкам (типа «духовных скреп»), а также к авторитетам, «зарубежному опыту» или «традициям».

В более широком плане речь идет о так называемой *исторической политике*. Не может быть сомнений, что вопрос о том, какими могут и должны быть учебники отечественной истории, – это *всегда и везде* вопрос исторической политики. Она может быть откровенно националистической (в смысле безоглядной апологии прошлых деяний собственного государства и его лидеров), может быть вполне космополитической (как некоторые учебники, созданные в 1990-х гг. на средства зарубежных грантов).

Далее будет представлено рассуждение, направленное на выработку ценностных и теоретических основ исторической политики, соединяющей *гуманизм, исторически ответственный патриотизм², строгие критерии научной истинности в отношении фактов, теоретичность и осознанный плюрализм интерпретаций*.

Цели гуманитарного образования и ценностные платформы для преподавания истории

Вопрос о том, как преподавать историю в школе и вузе, является типичным вопросом образовательных требований, тогда как требования к гуманитарному образованию являются классическим предметом философии образования.

Важнейший результат проведенного анализа идей философского обоснования образования в сопоставлении с его успешностью – это выявленная значимость *баланса ориентации* образования на *Общество* (с общенациональными ценностями и объективными потребностями), *Культуру* (систему образцов, воспроизводящихся

² Патриотизм официозного, верноподданнического, этатистского, шовинистического типа, который еще Тюрго называл «лакейским», Марк Твен – «идиотическим и разрушительным», Оскар Уайлд – «агрессивным», а Самуэль Джонсон – «последним прибежищем негодяя», издавна пользовался дурной репутацией и в России; см. **красноречивую подборку** цитат П. Вяземского, Пушкина, Гоголя, Белинского, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого (Доброхотов Р. Классики о патриотизме // Эхо Москвы, 11.03.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://echo.msk.ru/pda/blog/dobrokhотов/1029162-echo>). Далее речь пойдет только о патриотизме живом и деятельном, исключающем всякую международную вражду (Добролюбов), – об *исторически ответственном патриотизме*, проявление которого удачно сформулировал Адам Михник: «Патриотизм определяется мерой стыда, который человек испытывает за преступления, совершенные от имени его народа».

при смене поколений людей) и *Индивида* (совокупность и разнообразие личностных запросов к образованию). Показано, что современные требования к этому балансу выражаются через следующие базовые цели гуманитарного образования³:

- общекультурная компетентность⁴;
- свободное мировоззренческое самоопределение⁵;
- ответственность за общезначимые ценности;
- ответственность за общенациональные (в нашем случае – российские) ценности.

Наиболее конфликтными в сфере преподавания отечественной истории являются две последние группы, связанные с ценностями универсального и национального масштабов.

Общезначимые (они же базовые, минимальные, универсальные) ценности, относящиеся к жизни, достоинству, здоровью, свободам и правам индивидов и сообществ, с одной стороны, противопоставлены так называемым *этическим ценностям*, разным для разных обществ и культур, с другой стороны, определяются через это разнообразие. *Общезначимые ценности* – это понятийное выражение главных условий, выполнение которых необходимо для сохранения возможности всех людей (индивидов, групп, сообществ) осуществлять свои этические ценности.

Нетривиальный и тонкий момент: ни в коем случае нельзя смешивать общезначимость (приоритетность в мирных взаимодействиях) и верховенство (высший, абсолютный статус). Ни одна уважающая себя культура, конфессия, национальная идеология никогда не признает какие-либо ценности более высокими, чем собственные.

³ Розов Н. С. Ценности в проблемном мире...

⁴ «Компетентность включает следующие стороны: а) *смысловые аспекты* (исторический, теоретический, ценностный, информационный) – адекватное осмысление ситуации в более общем культурном контексте, то есть в контексте имеющихся культурных образцов понимания, оценки такого рода ситуаций; б) *проблемно-практический аспект* – адекватность распознавания ситуации, постановки и эффективного выполнения целей, задач, норм в данной ситуации; в) *коммуникативный аспект* – адекватное общение с учетом соответствующих культурных образцов общения и взаимодействия» (Там же. – С. 197–198).

⁵ «...Назначение образования, и в первую очередь, гуманитарного, состоит также в обеспечении условий для свободного самоопределения каждого человека в пространстве мировоззрений, для принятия им собственных ценностей в форме жизненных целей, ведущих мотивов и интересов, стремлений, потребностей, принципов и т. п.» (Там же. – С. 196).

Важнейшим требованием к гуманитарному образованию, а значит, и к преподаванию истории, является привитие учащимся уважения к *современным* общезначимым ценностям, в идеале – нравственной ответственности за их осуществление⁶.

Весьма непростой вопрос касается статуса общенациональных – российских – ценностей. Здесь наиболее известны крайние и враждебные друг другу позиции.

С точки зрения патриотизма великодержавного толка Россия, ее история, народ, культура, прежде всего государство объявляются высшими ценностями, что, например, явно прописано в версии учебника, подготовленного коллективом под руководством С. Сулакшина и под эгидой В. Якунина.

Крайняя космополитическая, либеральная позиция, иногда откровенно прозападная (явно высказываемая разве что отважной В. Новодворской), состоит в том, что действительными являются лишь «общечеловеческие ценности» (главным образом права человека), а любая проповедь сугубо российских ценностей является лишь прикрытием застарелого великодержавного шовинизма с риском впадения в тоталитаризм.

Рискуя оказаться под перекрестным огнем с обеих сторон, предложу следующий «срединный путь». Российские ценности, равно как французские, немецкие, английские, испанские, американские, японские и прочие, являются этосными ценностями. Такие ценности являются значимыми и даже могут считаться обязательными, пропагандироваться через системы образования и СМИ для членов соответствующих обществ. Поэтому в учебнике истории России не только особые российские ценности (например, связанные с православием и другими традиционными конфессиями, с отношением к природе, хлебу, справедливости, семье, служению, ге-

⁶ «... Человеческие качества могут быть любыми, но общезначимые ценности должны быть защищены. Воспитательную функцию нельзя отменять, однако образовательная ценность в аспекте воспитания должна быть сформулирована по-новому. Ее идея может быть выражена в таком условном обращении Образования к Человеку (вспомним диалог Сократа с Законами): “Будь таким, каким ты сам себя взрастишь в твоём свободном самоопределении. Но общезначимые ценности остаются непреложными. Они нуждаются в защите и поддержке, в том числе и твоей. Ты свободен во всем остальном, но за общезначимые ценности ты в ответе”» (Розов Н. С. Ценности в проблемном мире... – С. 196).

роизму), но также и особые интересы российского государства и российских граждан (территориальная целостность, сохранение и рост влияния, распространение в мире российской культуры) могут и должны учитываться. Однако следование этим ценностям и интересам не может служить оправданием ни в прошлом, ни в настоящем для преступлений против человечности – нарушения общезначимых (базовых, минимальных) ценностей, связанных с жизнью, достоинством, правами и свободами человека.

Здесь во весь рост встает известное противоречие: исторические деятели прошлого руководствовались тогдашними – современными им – ценностями и правилами: допустимо ли оценивать их решения и действия (особенно связанные с насилием, завоеваниями, эксплуатацией и проч.) по нынешним меркам? Крайними позициями являются вневременной ригоризм и релятивизм (в каждом времени – свои критерии), однако в официальных учебниках, как правило, господствует склонность к национально-государственной апологии, родственной «квасному» патриотизму: деяния прежних правителей выставляются в благоприятном свете, о наиболее гнусных преступлениях «своих» исторических личностей стараются умалчивать, оставляя всю меру строгости к противникам и чужакам.

Принципиальное решение этой проблемы состоит в рефлексии релевантных ценностных систем (платформ), по крайней мере четырех:

а) современные общезначимые ценности (с осуждением неправового насилия, агрессии, принудительной эксплуатации, тем более геноцида, рабства, пыток и т. п.);

б) тогдашние доминировавшие в стране цели и идеалы правящей элиты, нормы, заповеди, представления о морали и справедливости; иногда требуется принимать во внимание различия в этом аспекте между конфликтующими группами;

в) того же рода тогдашние регулятивы в других, прежде всего наиболее крупных, влиятельных и продвинутых, обществах и государствах;

г) ценности и интересы современного российского общества (и государства как его части).

Каждая из этих ценностных платформ имеет свою важную функцию. Сопоставление прошлых деяний с сегодняшними общезначимыми ценностями (а) показывает не только реальную жестокость и несправедливость прошлых эпох, но также дает представление о произошедшем общем моральном прогрессе, закрепляет запрет на соблазны оправдывать нынешние жестокости давними историческими прецедентами.

Сопоставление прошлых деяний с господствовавшими в том времени и месте моральными установлениями (б) дает понимание либо об их «нормальности», либо о том, что даже с тогдашней точки зрения они были преступными, недопустимыми, либо, напротив, показывает, что это были поступки, задававшие для того времени новые, более высокие нравственные планки.

Наконец, события и процессы прошлого резонно трактовать и оценивать с позиций, интересов современного российского общества, прежде всего норм, зафиксированных в нашей Конституции (демократия, республиканизм, федерализм, светскость государства, гражданское равенство и т. д.), а также очевидных общенациональных интересов, касающихся сохранения, целостности, социального, экономического и культурного развития, авторитета и влияния страны в мире (детальнее см. ниже).

Разумеется, речь не идет о буквальных фиксациях таких оценок в явном виде на каждой странице или в каждой главе учебника. Следует лишь указать на главные платформы исторических оценок в предисловии, а в самом тексте достаточно сопоставлений исторических фактов, когда упомянутые способы оценки играют роль критериев их отбора, а также спектра оснований для явных или неявных оценок и интерпретаций.

Общенациональные ценности и интересы

Наиболее проблематичными и конфликтными являются ценности современного общества, тем более переживающего столь глубокие расколы, отчужденность между идеологическими лагерями, как это имеет место в сегодняшней России. Попробуем даже в этих жестких условиях найти общий знаменатель.

Сохранение, свободное развитие и процветание страны – главная и очевидная объединяющая платформа национальных ценно-

стей, общая даже для враждебных друг другу сторон. Между прочим, уже отсюда много чего можно извлечь.

Сразу приходим к простейшей конструкции – «народ на своей земле». Общество не может считаться сохраненным, если народ со своей земли изгнан. Народ на новой земле или та же земля с новым, заселившим ее народом – это всегда иные общества.

Народ должен быть способен самостоятельно выживать на своей земле (что не отрицает, разумеется, внешней торговли и прочих геоэкономических отношений). В общем говоря, для такого выживания земля должна быть *обустроена* (города, села и коммуникации, сельское хозяйство, производство, инфраструктура).

Далее. Народ, подчиненный каким-то внешним силам (другим державам), не составляет самостоятельное общество, его конституция не может быть верховным законом, поскольку социальные (политические, экономические и проч.) взаимодействия подчиняются в конечном счете каким-то внешним, извне установленным правилам. Поэтому непреложными являются также ценности *свободы народа и суверенности государства*. Для страны с большой территорией и множественными границами (такова Россия) это предполагает самостоятельное обеспечение безопасности (собственная армия и вооружение).

Влияние и авторитет страны на внешней арене всегда были, остаются и будут в дальнейшем важными составляющими успеха общества. Непростой вопрос – какой уровень влияния считать достаточным? Очевидным образом, этот уровень зависит от соответствия амбициям элиты, влиятельных групп и большинства населения, тогда как сами эти амбиции определяются как размерами страны, так и прежней геополитической и геокультурной историей.

Так, огромная территория России, ее имперское и сверхдержавное прошлое детерминируют известный запрос на «величие», поэтому любые предложения «смириться со скромной ролью региональной державы средней руки» никогда не получают широкой и устойчивой популярности. Иными словами, борьба против идеи «величия» изначально обречена на провал, более того, она угрожает национальной идентичности. Запрос на величие должен быть удовлетворен, другое дело, что военное могущество и способность

устрашать, подчинять соседей давно не являются главными или обязательными факторами «величия» в современном мире.

Достоинство, права, свободы и качество жизни граждан, высокий уровень образования и медицины, комфортные города и села, оберегаемая природа, экономическое самообеспечение не столько сырьем, сколько «руками и мозгами», конкурентоспособная продукция на внешних рынках, ответственное государство и справедливые суды, соответствующий авторитет и влияние на внешней арене – вот что делает современную страну великой.

Труден вопрос об измерении влияния и авторитета на внешней арене. Еще до середины XX в. главным критерием, отодвигающим на задний план все остальные, было достижение государством военно-политического могущества. Теперь следует говорить о трех показателях:

- доступ в клуб великих мировых держав;
- характер учета позиции страны этими державами по текущим международным проблемам (остается ли страна в изоляции или, напротив, играет лидирующую роль);
- число и влияние государств, поддерживающих ее политику (например, позицию в военных конфликтах или признание независимости чьих-то бывших провинций).

Государство, осуществляя принуждение, должно иметь оправдания, главным из которых является *справедливость* устанавливаемых порядков (это большая сложная тема, требующая отдельного обсуждения).

Наконец, *культура* как совокупность передающихся из поколения в поколение образцов сознания, поведения и материального окружения также оказывается необходимым ценностным компонентом сохранения общества. Народ является не только популяцией, но также предполагает свою определенную, оставшуюся от прежних поколений и продолжающую развиваться культуру. Многонациональный, точнее, полиэтничный, как в России, народ, если вообще является народом, то есть неким субъектным единством, всегда включает как минимум два культурных слоя: множество

этнических культур (в том числе языков, диалектов) и общую для всех культуру с общим языком.

В итоге получаем следующую формулу, включающую главные общенациональные и государственные ценности: *народ со своей культурой, суверенным влиятельным государством, обеспеченной безопасностью и справедливым социальным порядком, способный самостоятельно существовать на своей обустроенной земле.*

Те же ценности можно дать таким развернутым списком:

- территория как ценность (символическое и ресурсное значения);
- человеческие ресурсы (способность защищать страну и обеспечивать ее существование);
- государственный суверенитет – способность осуществлять политику без принуждения со стороны внешних сил;
- ценности материального обустройства жизни всего общества;
- ценности справедливости;
- ценности общенациональной культуры и этнических культур.

«Непрерывность» или целостный смысл российской истории?

Более или менее понятно, что подразумевается под официальным запросом нынешней власти не только к «единообразному», но и «непрерывному» изложению отечественной истории. Прерывность этой истории налицо: разрывы между киевским и московским, доромановским и романовским, московским и петербургским, дореволюционным и послереволюционным, советским и постсоветским периодами – это лишь самые главные разломы государственности. Однако означает ли отвержение непрерывности также отрицание возможности какого-либо целостного осмысления истории России?

Здесь мы вступаем в наиболее спорную область холистических историософских интерпретаций. Очевидно, что каждая из них основывается не только на приоритетном внимании к той или иной грани истории (православию, имперскости, особости русского народа, общинности, соборности, милитаризму, авторитаризму, мирросистемной периферийности, служивому и раздаточному принципу и т. п.), но и к глубинным установкам, верованиям и святыням, что было названо выше этосными ценностями.

Принцип свободного личностного самоопределения требует ознакомления учащихся хотя бы с основными альтернативными интерпретациями – парадигмальными образами отечественной истории. Есть ли относительно нейтральная понятийная структура, позволяющая их сопоставлять как в целом, так и для каждого исторического периода? Представим три таких возможных каркаса, которые условно можно назвать: «порывы модернизации и их последствия», «циклическая динамика государственного успеха и свободы граждан» и «ряд самоиспытаний в социально-эволюционном контексте».

Порывы модернизации и их последствия

Модернизацию вовсе не обязательно жестко связывать с исторически недавними стремлениями «догнать» развитые западноевропейские и североамериканские общества в плане индустриализации, военных, политических и экономических институтов. Широкое принятие Русью и Московией греческих, болгарских культурных и религиозных образцов, а позже – османских военно-организационных институтов и практик тоже были модернизациями.

Последующая цепь «догоняющих модернизаций» уже в отношении Польши, Швеции, Голландии, Англии, Франции, Австро-Венгрии, Пруссии и Германии, США хорошо известна. Они были в разной мере успешными, но всегда вели к глубокому преобразованию государственных, сословных и классовых структур, к появлению новых социальных групп, к непреднамеренному заимствованию целых систем культурных и социально-политических образцов, перераспределению ресурсов, острым социальным и идейным конфликтам.

Как застойные, так и кризисные периоды являются следствиями прежних государственных попыток и порывов различных социальных групп к модернизации (существенно разной по целям, стилю и средствам в разные исторические периоды). Некоторые порывы модернизации были откровенными заимствованиями, другие претендовали с большими или меньшими основаниями на флагманскую, первопроходческую роль в европейском и даже мировом масштабе.

Иногда модернизация вела к успешной территориальной экспансии, завоеваниям и аннексиям, иногда побочным эффектом модернизации или следствием ее провала была потеря территорий или даже государственный распад. Иногда государственная власть, искренно стремясь к отмене старого и созданию нового, фактически возвращалась к восстановлению в иных формах прежних образцов и институциональных структур (так называемые «контромодернизация», «псевдомодернизация» и т. д.).

Лежащее в основе этой концептуализации измерение «старое/новое» является предельно широким и фундаментальным для истории, поскольку выражает последовательность темпоральности – смены явлений во времени. Разумеется, такая парадигма не исключает изучения и учета в российской истории «естественных», медленных, складывающихся процессов, а также истории индивидуальных судеб – трагических, героических, обычных, «нормальных» или тоскливо-безнадежных, однако можно показать, что подавляющая часть таких явлений происходила в руслах, проложенных цепью прежних, преимущественно государственных, порывов модернизации и территориальной экспансии. Как видим, эта концептуальная рамка весьма широка и вполне нейтральна в идеологическом плане.

Какие еще сквозные инварианты можно «ухватить» в драматичной и прерывистой истории России? Сословия, классы, церковные организации и конфессиональные группы, профессии, уклады, политические структуры – все это течет и меняется. Неизменными остаются две инстанции: государство и личность. С какого «угла» ни посмотреть на их динамику на протяжении российской истории, будет видна крайняя *«размашистость»* и *повторяемость* изменений. Поэтому внимание к этой исторической цикличности представляется необходимым для любой трактовки.

Циклическая динамика государственного успеха и свободы граждан

Известно несколько десятков моделей российских циклов (см. обзор⁷): сугубо нумерологические, мистические, а также относи-

⁷ Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. – М.: РОССПЭН, 2011. – Гл. 7.

тельно или вполне научные – смутно-гуманитарные⁸, экосоциальные и демографические⁹, геополитические¹⁰, социально-политические¹¹, административно-мобилизационные¹².

Синтетическая модель, представленная в книге¹³, объединяет наиболее конструктивные модели «революций служилого класса» (Р. Хелли), «долгих циклов модернизации» (Р. Вишневский), циклы реформ и контрреформ (А. Янов, В. Лапкин и В. Пантин).

Если первые две модели относятся к взлетам и падениям российской государственности (что прямо накладывается на порывы модернизации), то модель реформ-контрреформ относится больше к положению индивида: уровням защиты его свобод, прав и собственности.

Очевидным образом эти фундаментальные измерения – успех/неуспех государства, свобода/несвобода подданных и граждан – тесно связаны между собой. Феноменологическая картина динамики по этим измерениям позволяет наглядно «ухватить» данную связь. Это и послужило основанием для выделения основных фаз российских циклов: Успешная мобилизация, Стабилизация – Стагнация, Кризис (с крайней формой Государственного распада), Авторитарный откат (Фаза реакции) и Либерализация («сверху» или «снизу») (рис.).

Разработаны и представлены несколько моделей, отображающих разные грани глубинного механизма, порождающего эти циклы («колею»), а также принципиальные пути преодоления этой цикличности («перевал»)¹⁴.

⁸ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. – Т. 1. От прошлого к будущему. – Новосибирск, 1997.

⁹ Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. – Екатеринбург, 2005.

¹⁰ Цымбурский В. Л. Циклы «похищения Европы» / В. Л. Цымбурский // Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 44–66.

¹¹ Янов А. Л. Тень Грозного царя. Загадки русской истории. – М., 1997; Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Проблемы и суждения. – 1998. – № 2. – С. 39–51.

¹² Вишневский Р. В. Модернизационные циклы в истории России // Теория предвидения и будущее России. Материалы V Кондратьевских чтений. – М., 1997; Hellie R. The Structure of Russian Imperial History. History and Theory // Studies in the Philosophy of History. – 2005. – Vol. 44. – № 4.

¹³ Розов Н. С. Колея и перевал... – Гл. 7–12.

¹⁴ Там же. – Гл. 10–12; 15–17.

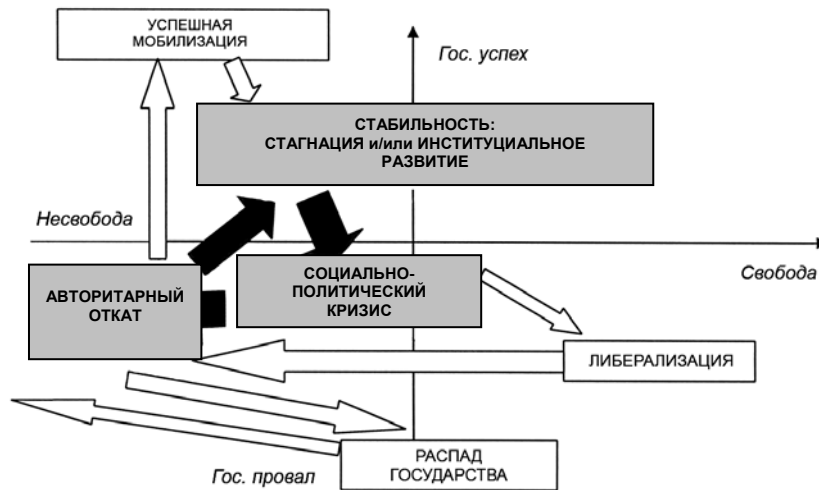

Рис. «Колеса» российских циклов: маятниковые движения, огибающие достижимый (пока?) квадрант сочетания государственного успеха и высокого уровня свободы (защита прав, достоинства, собственности) граждан. Серым цветом выделены фазы кольцевой модели, наиболее типичной в истории Московии – Российской империи – СССР – РФ за последние 450 лет

Разумеется, такое толкование повторяемости в истории России является лишь одним из возможных. Однако ни одно сколько-нибудь объективное изложение этой истории не может пройти мимо таких тем, как: внушительные успехи и трагические провалы российской государственности, меняющееся положение подданных и граждан (в плане свобод, защиты прав и собственности, участия в управлении), крупные социальные и политические события, ведущие к сдвигам в этих измерениях.

Ряд самоиспытаний в социально-эволюционном контексте

Третья категориальная рамка позволяет дополнить первые две в плане учета поступательных (в том числе прогрессивных, социально-эволюционных, необратимых) изменений, меняющихся социально-политических ценностей, принципов и идеалов, соотнесения

России с другими крупными как западными, так и незападными обществами.

Мы постоянно и довольно уверенно пользуемся двумя подходами в осмыслении окружающей реальности, более или менее успешно распознавая, что *складывается* (естественно, без чьего-либо полного контроля), а что *конструируется* (искусственно, тем или иным субъектом – индивидом, группой или организацией).

При всем этом мы по каким-то причинам гораздо меньшее внимание уделяем третьей категории – *испытанию*, которой соответствует своя область процессов в человеческом мире.

Если конструирование искусственно, складывание естественно, то испытание гибридно. Испытание – это, с одной стороны, попытка добиться успеха, достичь цели, воплотить в жизнь задуманную идею, цель, проект. С другой стороны, в отличие от конструирования при испытании нет полного контроля над основными ресурсами и условиями. Обстоятельства *сложатся* так или иначе. Поэтому и испытание может привести к успеху, среднему результату или вовсе провалу.

Что считать успехом и что – провалом исторических испытаний? Как раз для ответа на такого рода вопросы и был приведен целый ряд ценностных платформ. Среди них особое значение имеет пункт (б) – «тогдашние доминировавшие в стране цели и идеалы правящей элиты, нормы, заповеди, представления о морали и справедливости». С этой точки зрения можно выяснить, насколько успешно в разные исторические периоды российское государство (правящая группа, государственный класс и держатели основных ресурсов) проходило испытание по своим же критериям.

Державные цели могли включать такие смыслы, как стать:

- самой большой и могущественной империей;
- ведущей христианской державой;
- одной из великих европейских держав;
- хранительницей вековых монархических устоев;
- покровительницей всех славянских стран и народов;
- прогрессивной индустриальной экономикой;
- флагманом мировой коммунистической революции;

- примером успешного коммунистического строительства;
- лидером постсоветского пространства и т. д.

Каждый раз с большей или меньшей искренностью в официальных речах и документах прокламировалась забота о чаяниях, благополучии подданных, повышении уровня жизни, правах и свободах граждан, их участии в государственном управлении и т. п. Насколько успешно выполнялись заявления – также вопрос исторического испытания.

Связь парадигм модернизаций, цикличности и исторических испытаний

Каждый из представленных вариантов категориальной рамки (априорного целостного образа, парадигмы) осмысления истории России высвечивает вполне определенную ее грань:

- возобновляющиеся попытки преодолеть отсталость и встать вровень с ведущими государствами и обществами эпохи;
- непреднамеренная повторяемость фаз, которые при всех своих особенностях проявляют очевидные сходные черты (ужесточение и послабление режима, рост и падение энтузиазма, сплоченность и ответственность элит, территориальное расширение и потеря территорий и т. д.);
- сменяющиеся цели и идеалы государственного и общественного развития, разные уровни успеха и неуспеха в их достижении.

Нетрудно увидеть, что, несмотря на все различия в фокусе внимания и понятийном аппарате, данные образы вполне совместимы.

Каждая попытка модернизации была своего рода испытанием, при успехе приводила к успешной мобилизации, при неуспехе – к возобновлению стагнации, при провале – к кризису. Иными словами, модернизации и испытания (как попытки сознательного *конструирования*) в истории России всегда были и до сих пор остаются частью циклической динамики.

Однако эта динамика включает также процессы естественного *складывания*, что приводит в разных условиях к фазам стагнации, авторитарного отката или либерализации, к формированию условий для новых попыток модернизации, условий успеха и неуспеха соответствующих новых испытаний.

Какая история служит воспитанию гражданина?

Теперь, когда у нас в руках достаточно ясные и надежные ценностные платформы, конструктивные и гибкие концептуальные орудия, можно приступить к решению сформулированной выше проблемы: как преодолеть противоречие между неблагоприятностью (мягко говоря) многих периодов, явлений российской истории и действительной необходимостью воспитания любящего свою страну, историю и культуру, патриотически и ответственно настроенного гражданина России?

Отвергаем с порога ложь, существенные искажения и умолчания крупных и значимых трагических фактов (почему? А потому: если это нужно объяснять, то уже не нужно объяснять).

Вся существенная правда об отечественной истории должна быть представлена, но так, чтобы ознакомившийся с ней молодой человек не превратился в циника или ненавистника собственной страны, чтобы боль и досада – вполне нормальные и адекватные человеческие чувства, возникающие при знакомстве со многими моментами нашей истории, – привели не к отчаянию или защитному безразличию, а к деятельной энергии, стремлению к личностному и профессиональному росту, ответственности за положение дел вокруг себя.

Сложность, многозначность оценок действий сторон в острых конфликтах, особенно когда неоправданное насилие совершается между соотечественниками, приводит к риску соскользнуть в релятивизм или даже цинизм («все правы и неправы, а значит, правды и вовсе нет»). Здесь спасительной надежной платформой выступают *общезначимые ценности* (защита жизни, здоровья, свобод и прав каждого человека). Разумеется, в оценке действий и стратегий, осуществляемых в военное время, на эти ценности невозможно опираться в полной мере, но ведь и для таких ситуаций есть международные правила защиты мирных жителей, правила обращения с пленными, определение «преступлений против человечности» и т. д.

Макросоциальные процессы и личные истории

История страны, втиснутая в одну обложку, может быть написана только «крупными мазками» – с изложением главных истори-

ческих событий, характеристик разных периодов, представлением магистральных процессов. Вместе с тем символы и идентичности школьников, затем юношей и девушек формируются во многом через чувства сопереживания и идентификации, в том числе с теми соотечественниками, о которых они узнают из истории родной страны. Увлекательный, воспитывающий любовь к Родине и гражданскую ответственность учебник должен содержать личные истории: героические, драматические, трагические.

Принципиальным является вопрос о критериях отбора таких индивидуальных историй. И. Прохорова предлагает обратить внимание на ранее незаметных тружеников «кропотливой созидательной деятельности» и «институционального строительства»¹⁵. К этому справедливому перечню следует добавить тех, кто «плыл против течения» в эпохи царивших беззаконий, несправедливости, жестокости, кто словом и делом демонстрировал возможность «жить не по лжи» даже в самые подлые и лживые времена.

Именно в таких личных историях соединяются большие испытания для страны и индивидуальные испытания в жизни человека, происходит соотнесение решений, поступков, каждодневных нравственных усилий с окружающим контекстом, который создается потоком макросоциальных процессов. Не нужно обманывать и утверждать, что «хороших людей всегда было больше», нужно просто показывать, что честные и свободные люди были всегда, пусть даже в меньшинстве, откровенно пояснять в предисловии, почему именно их личным историям уделено особое внимание.

С учетом универсальности конфликтной рамки для истории России лучше всего подходит *драма* (что не исключает актов тра-

¹⁵ «Трагическая история России (особенно в XX в.) во многом объясняет преобладание пессимистических настроений, но, с моей точки зрения, необходимо предпринимать волевые усилия, чтобы переломить ситуацию. Наше прошлое пестрит фатальными ошибками и преступлениями, которые нужно честно признать и хотя бы символически покарать виновников злодеяний. С другой стороны, пора отдать должное кропотливой созидательной деятельности многих поколений людей, заложивших в основание российского социума прочный культурный фундамент, благодаря которому общество смогло пережить страшные испытания. Я говорю о той системной работе по институциональному строительству, которую в начале прошлого века дискредитировали, окрестив ее “теорией малых дел”. Иными словами, *нам нужно создать “другую” историю страны с иным пантеоном героев и их деяний, а не плодить порочные мифологии об особом пути и великой державе* (выделено мной. – Н. Р.)» (Прохорова И. Интервью «Наше общество намного лучше, чем оно о себе думает» // Сноб. – 2012. – 4 апреля.).

гедии, фарса, комедии, а иногда даже пошлой оперетки). Действительно, настоящая драма всегда содержит конфликт, трудные, противоречивые и меняющиеся характеры, сложные жизненные коллизии. Общим смысловым каркасом вполне могут выступать порывы к обновлению («модернизации»), к новой прекрасной жизни (что и в истории, и в классических русских драмах обычно завершается печально, трагично или «никак»).

В написании драмы отечественной истории не избежать наличия навязчивых повторов (колеи циклов), когда в новых декорациях и новом составе действующих лиц воспроизводятся одни и те же темы и сюжеты: давление государственной машины и полицейщина, печальные судьбы бунтарей, реформаторов и «маленьких людей», победительные держиморды и жулики, гибнущие в застенках праведники. Драма русской истории – это прежде всего циклы возобновляющегося государственного принуждения и попытки (чаще всего неумелые и неудачные) избавиться от него или как-то его «реформировать».

При всем этом безнадежность, присущая метафоре «колеи порочных циклов», может и должна преодолеваться образом исторических испытаний и самоиспытаний. Именно в этом плане на авансцену отечественной истории выступают ее истинные герои – те, кто внес наибольший вклад в российскую культуру, науку, образование, право, кто отстаивал свободу и гуманизм своим словом, делом или всей жизнью даже в самые мрачные трагические периоды. Подвиги праведников в прошлых поколениях, пусть даже не приводившие к победам, – вот что дает историческую надежду.

Разные учебники при единстве базовых требований

Обратимся к практическим вопросам по проблеме школьного учебника истории. Возможен ли, необходим или сколько-нибудь оправдан единый учебник отечественной истории? Нет. Среди учителей школ есть и останется разнообразие предпочтений, причем не только идеологических, но и моральных, стилистических, интеллектуальных. Единый для всей страны, утвержденный на много лет учебник отечественной истории столь же неприемлем, как и единая принудительно навязываемая всему обществу идеоло-

гия¹⁶. Нет сомнений, что если такой единый учебник все же будет «продавлен», то он будет лишь сервильным проектом, легитимирующим действующую власть и режим.

Вправе ли общество, государство, местные сообщества, профессиональные историки, философы, обществоведы, педагоги выдвигать какие-либо общие требования к содержанию учебников истории? Да, вправе. Правдивость (согласие с научно установленными фактами, отказ от тенденциозных умолчаний) и направленность на воспитание любви, уважения к родной стране, ее истории и культуре, гражданской ответственности представляются наиболее непреложными общими требованиями.

Дальнейшие уточнения относительно того, как именно согласовывать и конкретизировать эти требования, – предмет будущих дискуссий, своего рода «затравкой» для которых призвана стать данная статья.

Драма отечественной истории не завершена. Историческое самоиспытание нашей страны продолжается. От того, какое представление получают подрастающие поколения о прошлом, как будут относиться к продолжающейся истории и своему месту в ней, во многом будет зависеть дальнейшая судьба России.

¹⁶ Статья 13 Конституции РФ: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».